

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 1

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 1** : научное издание / Авт.-сост. В.А. Щипков. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-98604-593-1

Первая Тетрадь Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных комментариев, обсуждавшихся во время лектория Школы, посвящённого консервативным мировоззренческим процессам в современной России. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: что такое «консервативный поворот», как тема революции отражена в русской мысли, что связывает Трампа и Россию, есть ли на Донбассе идеология, какие типы консерватизма существуют в России, почему русский писатель проходит путь от бунта к традиции и что такое «постсекулярный язык».

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-593-1

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В.А., 2017.
© «Пробел-2000», 2017.

Содержание

О Русской экспертной школе 5

А.Ю. Минаков

Типология консерватизма в современной России 8

А.П. Козырев

Революция и русская мысль 35

К.С. Бенедиктов

Трамп и Россия 57

М.В. Ремизов

Консервативный поворот 78

Д.О. Бабич

Путь русского писателя: от бунта к традиции 94

В.А. Щипков

Постсекулярность и язык Церкви 113

ПУТЬ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ: ОТ БУНТА К ТРАДИЦИИ

Размышляя о повороте русских писателей к идеям консерватизма и традиционализма, следует в первую очередь выделить Пушкина, Гоголя, Достоевского и Гончарова. Все они вначале испытывали внутренний протест против нестроений русской жизни и пытались преодолеть их европейскими решениями, в том числе через социализм. Начнём с самой интересной и самой важной для русской культуры фигуры — с Пушкина.

В советское время в образовательном процессе внимание обращали, прежде всего, на ранние стихи Пушкина — революционные. Советское литературоведение официально объявляло Пушкина декабристом или человеком, идейно близким к декабристам. В нашем сознании прочно укрепилась идея, что если бы Пушкин находился в Петербурге во время восстания, то непременно принял бы в нём участие. Свет на этот вопрос может пролить изучение обстоятельств встречи писателя с Николаем I осенью 1826 года. Замечательный литературовед Валентин Непомнящий, который изучал эту знаменитую встречу, убедительно продемонстрировал, что существуют две версии тех событий. Необходимо напомнить обстоятельства этой встречи: Пушкину никто не сообщает, с какой целью его вызывает император. Он срочно едет с фельдъегерем, волнуясь, переживая, ведь его может ожидать всё, что угодно, вплоть до заточения в тюрьму или каких угодно наказаний. Он приезжает к императору. В разговоре Николай действительно задал ему непростой вопрос: «Где бы ты был, если бы оказался 14 декабря в Петербурге?». Дальше существует две версии ответа. Первая: «Был бы среди мятежников». Вторая версия

является продолжением первой: «Был бы на площади, поскольку все мои друзья были там». То есть «был бы на площади», не потому что «я разделяю их взгляды», не потому что «я хочу участвовать в восстании и цареубийстве» (осенью 1826 года уже было известно, что одна из группировок декабристов планировала убийство всей царской семьи). «Был бы там», потому что, «там» находились его друзья и надо было быть рядом с ними, разделить, если понадобится, их судьбу. Это пример рыцарского и принципиального отношения к жизни и к дружбе. Именно к этой интерпретации склоняется Валентин Непомнящий. Важно подчеркнуть, что стихотворение «Пророк», одно из важнейших, программных стихотворений Пушкина, было написано вскоре после встречи с императором 8 сентября 1826 года. И такой солидный пушкинист, как Леонид Аринштейн, считает, что это стихотворение отражает, прежде всего, именно впечатление Пушкина от этой встречи.

Конечно, переменам во взглядах Пушкина на жизнь и общество предшествовал долгий процесс. Ранний Пушкин — это человек абсолютно европейских, либеральных настроений. В 1816 году он познакомился с Чаадаевым, который служил в то время в военной части, стоявшей в Царском Селе. Чаадаева мы знаем по «Философическим письмам», в которых утверждается, что Россия, не будучи католической страной, оказалась на обочине цивилизации. В 1836 году Пушкин напишет свой знаменитый ответ на это произведение, в котором скажет: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал». Чаадаев в одном из писем уже в 1830-е годы написал Пушкину: «Вы первый поэт в России, пишите мне, пожалуйста, на русском языке». Почему-то все письма Пушкина после этого Чаадаеву написаны на французском. В том числе и упомянутый ответ. Позже слова из этого письма использовал Тарковский в фильме «Зеркало».

Итак, в 1816 году Пушкин всё ещё либерально ориентированный человек постпетровской эпохи. Через несколько лет его ссылают на юг. В это время поэт общается с Раевским, которого называли «злым

гением» и который вливал в своего друга, как напишет сам Пушкин, «хладный яд». И хотя Раевский в 16 лет под началом своего отца принимал участие в войне с Наполеоном, он был абсолютным циником. Под влиянием Раевского в 1823 году Пушкин переживает духовный кризис и пишет самые пессимистичные строки «Евгения Онегина»: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Она звучит явным диссонансом ко всему творчеству Пушкина, в котором он, наоборот, прославляет жизнь и самое прекрасное, что есть в этой жизни — людей. Если вдуматься, то это прощание Пушкина с руссоистскими иллюзиями, которые были ему свойственны в юности. С мнением Руссо о том, что человек по своей природе прекрасен, а вредны только социальные установления. Как мы знаем, Л. Толстой всю жизнь провёл под влиянием Руссо. Толстой один из очень немногих русских писателей, который не повторил эту парадигму от оппозиционности к консерватизму. Хотя, если бы он обратил внимание на биографию самого Руссо, который написал трактат о воспитании детей, а сам отдал своих детей в воспитательный дом, то относился бы к нему с меньшим доверием. Руссо — теоретик без практического применения своих тезисов.

Вскоре после 1823 года Пушкин оказывается в ссылке в Михайловском, где сближается с отцом Ионой, настоятелем Святогорского монастыря, находившимся поблизости. В это время Пушкин с увлечением изучает церковнославянский язык и говорит, что хотел бы, чтобы его дети читали в будущем на этом языке, знали язык и письменность предков. Пушкин перерождается и становится другим человеком. В череде этих биографических событий и наступает 1826 год, встреча с императором — ключевой и окончательно переломный момент.

Оценивая поздние произведения Пушкина, можно утверждать, что свой жизненный путь он заканчивал как христианский писатель и консервативный мыслитель. Пушкин не следовал всем консервативным канонам европейской мысли, не стремился их слепо переносить на Россию. Например, в произведениях Пушкина можно найти отзвуки такого философа, как Эдмонд Бёрд, наиболее последо-

вательного критика французской революции. Отчасти они звучат и в «Капитанской дочке», и в «Истории пугачёвского бунта», и в других произведениях. С течением времени Пушкин всё больше и больше ценит в человеке верность слову. Для него верность слову становится синонимом понятию Честь: Честь — это и есть верность слову. Ведь с чем была связана сама дуэль и смерть поэта? Пушкин не прощал ситуаций, когда человек произносил слова, не имевшие смысла, и когда эти слова смысл теряли. Этот принцип не раз в жизни подводил его к краю гибели. Несколько лет он готовился к дуэли с Фёдором Толстым — Фёдором «Американцем». Фёдор Толстой публично сказал, что Пушкина якобы публично высекла полиция. Пушкин несколько лет тренировался в стрельбе, укреплял руки упражнениями с железной палкой, готовясь к дуэли. Но жизнь сложилась так, что его отправили в ссылку на юг, и дуэль не состоялась. Почему он так отреагировал на слова Толстого? Потому что для Пушкина «отвечать за свои слова» было одним из важнейших нравственных принципов. Петруша Гринёв в «Капитанской дочке», когда Пугачёв предлагает ему службу и сулит за это всевозможные блага, отвечает: «Не могу». «Почему?» «Потому что я присягу давал». Дать присягу — это дать слово. В тот момент для Пушкина сложилась опасная ситуация, потому что Фёдор Толстой был отличным стрелком. По воспоминаниям современников, он на спор выстрелами из пистолета выбивал каблуки из-под туфель стоящей на столе женщины. Но, к счастью, когда Пушкин наконец получил возможность приехать в Петербург, Фёдор Толстой перед ним извинился, и произошло их замирение. Позже Фёдор Толстой даже был сватом на свадьбе Пушкина с Натальей Гончаровой.

Нужно понимать, что возвращение Пушкина на консервативные позиции происходит именно через расширение, углубление понятия чести, понятия ценности слова. Вспомним слова Татьяны, когда в конце романа она отказывает Онегину: «Но я другому отдана; Я буду век ему верна». Это значит, что дана клятва, произнесён обет супружеской верности, значит этого надо придерживаться до конца.

Ну и, конечно, самая хрестоматийная история, демонстрирующая путь христианского перерождения Пушкина, — это знаменитое стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны»:

*Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв.
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Это переложение знаменитой молитвы жившего в IV веке святого Ефрема Сирина, которая читается каждый Великий пост и является одной из самых важных и глубоких молитв в жизни православных христиан:

«Господи и Владыка живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

В отличие от Пушкина, у Лермонтова из-за краткости и трагичности его жизни консервативного поворота в мировоззрении не произошло. В его творчестве нет этого перехода от деструктивной по-

зиции к консервативной. Тем не менее очень интересно его пророческое стихотворение «Предсказание»:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон.*

Это стихотворение совершенно не вписывается в романтическую парадигму, характерную для прочих стихов Лермонтова того периода. Оно похоже на какой-то проблеск будущего консервативного Лермонтова, о котором мы все бы узнали, если бы не его ранняя трагическая гибель. Точно так же Гоголь, узнав о смерти Пушкина, сожалел не только о том, что погиб великий человек, — он говорил, о том, что Пушкин собирался уехать в деревню и что в скором времени мы могли бы увидеть совсем другого писателя, если бы не эта преждевременная смерть. То есть Гоголь скорбел о Пушкине не только как о человеке, но и как о писательском таланте, до конца не реализованном.

Если же рассмотреть судьбу самого Гоголя, то в ней можно увидеть те же процессы, что и в жизни Пушкина. И хотя они протекают по-другому, и фигура писателя сильно отличается от Пушкина, в его творческой биографии тоже есть мировоззренческий перелом. Молодой Гоголь — если не либерал, то точно человек с весьма злым юмором, обличающим власть имущих и всю русскую жизнь. Как бы сегодня сказали, этот юмор вполне укладывается в рамки «гражданского», «либерального» дискурса. Безусловно, с самого начала творчеству Гоголя присущ мистицизм, как христианский, так и языческий. Но эта сторона его произведений до определённого времени не замечалась публикой. «Вечера на хуторе близ Диканьки» долго воспринимались как исключительно юмористические заметки: читатели восхищались

гоголевским образом крестьянина Рудого Панько, восхищались, как писал Пушкин, «гумором Гоголя», не замечая мистических мотивов.

Дальше происходит очень интересная история. Когда Пушкин погибает на дуэли, Гоголь находится за границей и узнаёт об этом событии с некоторым опозданием. Узнав о смерти поэта, он впадает в глубочайшее уныние и фактически проклинает то общество, которое, как он считает, и погубило Пушкина. Первое время Гоголь винит даже царя, отказываясь замечать его попытки защитить поэта от дуэли. От предыдущих двух несостоявшихся дуэлей Пушкина спас Василий Андреевич Жуковский. То, что государь после смерти Пушкина оплатил все его многочисленные долги, Гоголь за границей не знал.

До сегодняшнего дня дошёл интересный документ — воспоминание малоизвестного польского писателя Юзефа Богдана Залесского, который пишет, что в этот период в Париже он и его польский приятель встречались с Гоголем. Гоголь, по словам Залесского, якобы рассказывал «о москалях», которые казались ему противными, так же как и его гостям. Если верить версии Залесского, Гоголь серьёзно относился к теории, популярной в тогдашней Польше и на современной Украине, о финно-угорском и татарском происхождении великороссов. Эта известная теория родилась ещё в XVIII веке, а XIX век стал периодом её расцвета. Согласно ей, поляки и украинцы — это славяне, а Русь — это улус Золотой Орды, сложившийся под влиянием татарских и финно-угорских народов. В Польше эта теория уже считается грубоватой, а на Украине широко тиражируется и до настоящего времени. Но тут же юный Залесский пишет, что, когда через пять лет он опять встретился с Гоголем за границей и попытался заговорить с ним на эту же тему, Гоголь разговаривать отказался, потому что стал, как пишет Залесский, слугой «православия и трона». Вот такое изменение произошло в Гоголе.

Между этими двумя периодами жизни писателя лежит его важнейшее произведение — первый том поэмы «Мёртвые души» — и самое главное — реакция на эту поэму. Дело в том, что Гоголь сам испугался того огромного революционного потенциала, который был

в «Мёртвых душах». А он вовсе не намеревался давать оружие в руки будущих революционеров. Он хотел написать произведение по схеме Данте — «ад-чистилище-рай». У самого Данте наиболее интересным является именно описание ада, чистилище уже навеивает на читателя тоску, а дорая мало кто дочитывает. Гоголь впоследствии хотел загладить свою вину, совладать с теми персонажами, которых создал. Набоков совершенно справедливо восхищался Гоголем. Но Набоков любил его совсем не за то, за что, наверное, сам Гоголь хотел бы, чтобы его любили. Набоков восторгался фантазией Гоголя, тем, что его произведения во многом не привязаны к жизненным реалиям. Есть такая знаменитая шутка Набокова — как Гоголь мог писать о малороссийской деревне, если он никогда в ней не жил, если он видел её только на пути из Петербурга в Италию и по пути из своего родного Нежина в Петербург. Конечно, это утверждение Набокова является очень сильным преувеличением, во-первых, потому, что малороссийская деревня не сильно отличалась от русской. А во-вторых, потому что Гоголь, конечно, жил в деревне. Его лучшей подругой была Александра Осиповна Смирнова (урождённая Россет), ставшая женой калужского губернатора, и Гоголь бывал у неё в гостях, жил в Калуге, и, конечно, русскую деревню он всё-таки знал. В то же время нельзя не признать, что произведения Гоголя — это далеко не скупое документальное отражение русской реальности. Гоголь — прежде всего писатель-мистик, а уже потом реалист и сатирик. В некотором смысле Набоков уловил эту особенность гоголевского творчества. Другое дело, что Набокову претил мистицизм как таковой, и поэтому он и не хотел прямо называть Гоголя мистиком.

Чтобы понять, почему революционный потенциал «Мёртвых душ» настолько огромен, необходимо вспомнить лексику этой поэмы. Самая любимая фраза из Гоголя — «маниловщина», которая широко вошла в русский язык, в литературу. Именно гоголевский стиль повлияет на многих писателей, в частности на Гончарова, который опишет такое явление русской жизни, как «обломовщина». Нужно также пони-

мать, что в XIX веке художественная литература играла приблизительно такую же роль, какое телевидение играет в наше. Люди смотрели на жизнь через образы литературных героев. При этом Манилов, Собакевич, Плюшкин по праву казались крайне отрицательными персонажами, безмерно негативными и разоблачительными. И поэтому Гоголь впоследствии в своих двух произведениях, которые относятся к духовной прозе, пытался оправдать этот свой художественный подход. Такие слова он произносит в «Авторской исповеди»:

И прежде и теперь мне казалось, что русский гражданин должен знать дела Европы. Но я был убежден всегда, что если при этой похвальной жадности знать чужеземное упустишь из виду свои русские начала, то знания эти не принесут добра, сойдут, спутают и разбросают мысли, наместо того чтобы сосредоточить и собрать их. И прежде, и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит. Мне казалось всегда, что, прежде чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, но в корне узнать старое; иначе применение самого благодетельнейшего в науке открытия не будет успешно... С этой целью я и заговорил преимущественно о старом.

Но, как говорят в народе, взявшись за гуж, не говори, что не дюж. Гоголю пришлось столкнуться с ситуацией, когда его собственное произведение, его способность видеть сатирические образы, видеть дьявола в действительности (а Чичиков на самом деле дьявол и, как называл его Набоков, коммивояжер в фирме «Сатана и компания»), оказались сильнее его собственного раскаяния. Это прекрасно описал Андрей Белый в своей книге «Мастерство Гоголя». В литературоведении и в обществе постепенно укрепляется мысль, что Чичиков — это инфернальный персонаж, торгующий «живыми душами».

Действия Чичикова напоминают нынешнее рейдерство, когда бюрократическая, «мёртвая бумага» вдруг превращается в страшный крючок, за который цепляются и пропадают целые предприятия, коллективы и другие «мёртвые души».

Белинский, который был, безусловно, человеком очень страстным, немедленно пишет своё знаменитое «Письмо Белинского к Гоголю», за которое впоследствии Достоевский попал на каторгу и которое в обязательном порядке изучали в советских школах. Белинский пишет:

Да, я любил Вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею странюю, может любить её надежду, честь, славу, одного из великих вождей её на пути сознания, развития, прогресса. И Вы имели основательную причину хоть на минуту выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считал любовь мою наградою великого таланта, а потому, что, в этом отношении, представляю не одно, а множество лиц, из которых ни Вы, ни я не видали самого большего числа и которые, в свою очередь, тоже никогда не видали Вас. Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле дикой радости, который издали, при появлении её, все враги Ваши — и литературные (Чичиковы, Ноздрёвы, Городничие и т. п.), и нелитературные, которых имена Вам известны.

В это время, накануне мрачного семилетия с 1848 по 1855 год, накануне 1861 года, в России уже действует «либеральная жандармерия», как её впоследствии назовёт Н. Лесков. Упомянутое письмо Белинского — это только отзвук того, что говорилось в гостиных, в кулуарах и от чего сильно страдал Гоголь. В конечном итоге эта история привела к тому, что Гоголь ещё больше стал смещаться в сторону консерватизма.

Он предпринял неудачную попытку выйти из того тупика, в котором оказался: решил оживить Чичикова и сделать его чуть ли не положительным героем. Это было невозможно: это был тот случай, когда созданного чёрта уже невозможно было переделать в ангела. Поэтому Гоголь до конца жизни, что видно из его заметок, страдает и пытается оправдаться за созданные им самим образы.

Следующая история прямо вытекает из творчества Гоголя и связана с недооценённым в России романом Александра Гончарова «Обломов». Если изучить критические литературоведческие подходы к этому произведению, то можно увидеть преимущественно две интерпретации. Одну, условно говоря, нам предложил Добролюбов, согласно которому Обломов — это именно отрицательный тип, полная развалина. Сейчас это направление в России развивает Дмитрий Быков, который продвигает идею о том, что на Обломова похожи те русские, которые уезжают за границу, сдают здесь квартиры и живут на проценты. Но есть и другой взгляд, который в кинематографическом варианте представил Никита Михалков в фильме «Несколько дней из жизни И. И. Обломова». Здесь упор сделан не на монументальные позы, в которых Обломов лежит у себя в квартире в Петербурге, а на сцены из детства, деревни, на времени, когда Обломов растёт. Михалковская интерпретация предстаёт даже в небольшом противоречии с тем образом, который создаёт сам Гончаров. Гончаров рисует образ «мёртвого консерватизма», описывает мир (деревню Обломовку), где время остановилось, где если что-то сломалось, то это не чинят. У Михалкова, как мы помним, ничего этого нет. Его Обломовка — это рай, созданный воспоминаниями о детстве.

Следует отметить, что из автобиографических записок Гончарова следует, что он поменял своё отношение к герою в процессе работы. Гончаров так же, как и Гоголь, испугался созданного им негативного образа в первом томе романа. Он не желал того тотального отрицания, о котором сам говорил в одной из своих записок. Зрелый Гончаров, создавший уже первый том «Обломова», пишет: «С Гоголя

мы стали на этот отрицательный и в беллетристике путь, и не знаю, когда доработаемся и доживём до каких-нибудь положительных воззрений, на которых бы умы могли успокоиться! Может быть, никогда! Это очень печально!». В это время происходит консервативное перерождение Гончарова. Какое-то время он даже работает в цензуре, хотя и добрым цензором, симпатичным человеком. Тем не менее это уже совсем другой Гончаров, не тот, которого мы помним молодым.

С чем же всё-таки сталкивались русские публицисты и писатели, когда ополчались на консервативные веяния в литературе? Откуда взялось письмо Белинского? Ответ кроется в явлении, которое Лесков называл «либеральная жандармерия».

Либеральная жандармерия, или диссидентское движение — это специфично русское явление. И, вероятно, консервативное общество, если оно когда-то появится в России, также будет неизбежно включать этот элемент. История этого явления восходит ещё к Андрею Курбскому, и если посмотреть на интеллектуальный тип русских (что, впрочем, можно сказать и о поляках), то мы увидим вечную мечтательность, сказание о граде Китеже или миф о прекрасной Западной Европе, или о ещё более замечательном социалистическом обществе. И русские, и поляки не могут удовлетворяться тем обществом, в котором они живут, они всегда мечтают о чём-то большем и не удовлетворяются тем местом, которое занимают в обществе, всегда мечтают о месте более престижном, более отвечающем их талантам. Так вот, в конфликте Ивана Грозного и бежавшего от него Андрея Курбского, в их переписке сразу виден один из главных истоков либеральных и революционных движений в России — недовольство своим положением. Это недовольство тем местом, которое было отведено в русском обществе даже таким аристократам, как Курбский, участник взятия Казани и один из любимцев Грозного на ранних этапах его правления. В письме Курбского Ивану Грозному мы можем прочитать следующие строки: «Почто, царю, силных во Израили побил еси, и воевод от бога данных ти на враги твоя, различными смертьми расторгл еси, и по-

бедоносную святую кровь их во церквах божиих пролиал еси. Почто гоненья умыслил еси, изменами и чародействы и иными неподобными облыгая православных. Али ты безсмертен, царю мнишися, и в несытную ересь прельщен». Великий поэт и писатель Алексей Толстой в своей балладе «Василий Шибанов» перелагает именно эту часть письма Курбского. Иван Грозный у Алексея Толстого читает: «Презренный и мнишися от бессмертия нас в несытную ересь прельщен». Можно обратить внимание и на тот факт, что порой русские диссиденты, либералы, борясь с властью, борясь с церковью, говорят на языке своих оппонентов, как это произошло с Курбским, потому что другого языка образованные люди того времени в общении друг с другом использовать не могли. В сущности, в этом письме Курбского легко узнаются всё те же самые обвинения против царя, против власти, которые потом повторяли все диссиденты от Лжедмитрия до Герцена и Бакунина, от генерала Власова до Ильи Пономарева. Вот следующий примечательный отрывок из письма Курбского: «Во что тцися со усердием свет во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Коего зла и гонения от тебе не претерпех! И коих бед и напастей на мя не подвигл еси! И коих лъжей и измен на мя не възвел еси! А вся приключившася ми ся от тебе различныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи, понеже горестью еще душа моя объята бысть». В словах князя читается удивительная любовь к себе, любованиe собственным страданием, представление власти в виде какой-то бессмысленной агрессивной силы, которой чуждо всё разумное, доброе, вечное.

Очень интересно и подробно это явление описал в своих произведениях Николай Семенович Лесков. Но наиболее яркую критику либерализма и революционной деятельности явило нам творчество Федора Михайловича Достоевского. Известно, что прототипом одного из главных героев «Бесов», Петра Верховенского, стал один из самых известных русских революционеров своего времени Сергей Нечаев. Нечаев, безусловно, был выдающимся человеком. И здесь нельзя не согласиться с историком революции Феликсом Лурье, который

недавно написал об этом человеке книгу, изданную в серии «Жизнь замечательных людей». Можно сказать, что одной из причин революции стало отсутствие в России социальных лифтов, из-за чего была вполне обыденной ситуация, при которой Владимиру Ульянову общество и государство не могло предложить ничего лучше, чем стать присяжным поверенным или занять должность прокурора или судьи. Точно также и Нечаев, очень талантливый человек, но бывший сыном незаконнорожденного, мог рассчитывать самое большее на то, чтобы стать директором какого-нибудь училища. Конечно, это совершенно не устраивало этого человека с его огромными амбициями. Широкую известность Нечаев получил, когда агитировал несколько студентов Тимирязевской академии (она создавалась специально для того, чтобы в новых условиях после отмены крепостного права помогать помещикам налаживать сельское хозяйство) и подговорил их на убийство студента Иванова, который решил выйти из организации. Убийство было совершено в Тимирязевском парке и было быстро раскрыто из-за того, что заговорщики плохо скрыли тело. В итоге они были арестованы, а сам Нечаев бежал за границу, в Швейцарию. И только там, в Швейцарии, в результате операции русских спецслужб был захвачен и тайно вывезен обратно в Россию. Дальнейшая история Нечаева не менее интересна. Он оказывается в заключении в Петропавловской крепости, в Алексеевском равелине. Но там, используя свой пропагандистский талант, Нечаев смог склонить на свою сторону практически всю охрану равелина. Охрана была готова помочь ему бежать; во всяком случае она передавала его записки народовольцам, находившимся в городе. Нечаев был, безусловно, убеждённый человек. В 1881 году народовольцы предложили организовать его побег, но в то же время они готовили покушение на императора Александра II и сообщили Нечаеву, что смогут осуществить лишь одну из двух операций: его, Нечаева освобождение, или покушение на царя, — потому что на две операции сил у них уже не хватит. Нечаев ответил народовольцам, что, конечно же, следует предпринять покушение на царя. Из истории

мы знаем, что покушение на императора удалось. В скором времени в Петропавловской крепости стало известно, что охрана Алексеевского рavelина встала на сторону Нечаева, и он был переведён в карцер, где скончался в возрасте 35 лет.

Есть и другие типажи либеральной жандармерии и русского революционного движения. Здесь имеет смысл вспомнить те вещи, о которых мало говорили в советское время и которые имеют большое значение. Ключевые фигуры русского революционного движения — это Александр Герцен и Михаил Бакунин. Однако не все знают, каким образом они оказались за границей. По Манифесту о вольности дворянства от 1762 года дворяне имели полное право выезжать за границу. Но при этом по первому приказу императора они должны были явиться обратно. Таков был закон. И хотя и Бакунин, и Герцен были людьми неблагонадежными, когда они обратились к Николаю I с письменными просьбами о выезде за границу, он, как человек, который всегда чётко следовал законодательству, разрешил им этот выезд. После этого Герцен уезжает за границу и начинает издавать «Колокол». На приказ Николая I явиться Герцен просто смеется. То же самое делает и Бакунин. Потом возникает удивительная ситуация. Бакунин участвует в революции 1848 года в Венгрии, его захватывают российские войска и доставляют в Петропавловскую крепость, в политическую тюрьму. Оттуда он снова пишет письмо Николаю I — первому дворянину Российской империи от дворянина, пусть и сидящего в тюрьме, — напоминая ему о своих правах выехать за границу. Это весьма характерно. Нечаев первое время, когда шёл судебный процесс, вообще отказывался отвечать на вопросы, говорил, что он иммигрант, фактически являющийся швейцарским гражданином. и что он не понимает, какие к нему могут быть претензии. Это очень напоминает поведение Ходорковского на суде в наше время. В итоге Бакунина всё-таки освобождают, и через Сибирь, через Тихий океан, через Америку и Японию он попадает обратно в Европу и продолжает вместе с Герценом издавать революционные газеты.

Однако за этой увлекательной историей кроются некоторые неприглядные факты.

Например, в 1863 году, когда поляки решились на восстание, они во многом были сподвигнуты на него Бакуниным. И Бакунин, и Герцен позиционировали себя в качестве друзей Польши, её освободителей, поэтому они и их идеи очень тёпло были приняты польскими эмигрантами, которые проживали в Западной Европе. Бакунин проповедовал идею федерации славянских народов, которая, по его мнению, должна была быть установлена сразу после свержения самодержавия. Бакунин рассказывал полякам байки про то, что у него есть целая революционная сеть по всей в России и что достаточно одной спички, чтобы в России началась революция. Бакунин поляков просто обманул, так же, как сейчас обманывают людей за границей нынешние «Ильи Яшины». Спровоцированные Бакуниным, поляки подняли восстание, и закончилось оно очень кроваво, и для русских, и для поляков. Во многом из-за поддержки польского восстания «Колокол» и другие издания Герцена резко потеряли популярность в России. Та часть русской элиты, которая ранее поддерживала Герцена в его борьбе с крепостным правом, была не готова принять его апологию польского восстания. Поэтому в 1870 году Герцен умирает менее известным, менее авторитетным человеком, чем он был в 1850-е годы.

Интересно отметить, что по иронии судьбы почти вся великая русская проза вышла в «Русском вестнике», в консервативном, «реакционном» журнале, как его тогда называла либеральная общественность. Произведения Л. Толстого, многие произведения Н. Лескова, «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского, «Отцы и дети» И. Тургенева. Первоначально Тургенев планировал издать свой роман в «Современнике», но там готовилась крайне негативная статья Добролюбова об этом произведении, после которой публиковать в нём «Отцы и дети» было невозможно. Тогда Тургенев отдал рукопись в считавшийся «не очень приличным» «Русский вестник».

В 1990-е годы российский литературовед Сергей Чупринин отметил: «Редкий случай, когда человек либеральных убеждений нашёл в себе силы сказать, что вообще-то русская литература всегда летела на двух крыльях — на консервативном и либеральном». В 1990-е годы консервативное крыло подверглось тотальной обструкции, и его перестала замечать и печать, и передовое писательское сообщество. Русская литература летела с одним крылом. При этом показательно, что сложные и насыщенные противоречиями 1990-е годы почти ничем не запомнились в литературе.

Я задаю вопрос: почему «Русскому вестнику» удалось привлечь талантливых писателей? Потому что «Современник» был нетерпим к своим авторам, и в итоге там публиковалось только то, что соответствовало идеологической линии этого издания. Безусловно, «Современник» тоже создавали талантливые люди, например, как сейчас говорит историк литературы Дмитрий Бак, В. Белинский был вдохновителем этого издания и одновременно его промоутером. Он публиковал яркие и эмоциональные статьи, которые как раз были нужны литературной критике. Н. Некрасов выступал в качестве организатора и финансиста издания, он прекрасно играл в карты и часто таким образом вытаскивал журнал из финансовой ямы. А И. Панаев выступал в качестве издателя. Это была весьма сильная тройка. Но этой тройке не хватало способности опубликовать роман просто потому, что он был интересен, хоть и не укладывался в привычные рамки. Так и у современной книжной торговли существует достаточно жёсткая система жанров: «хоррор», «фикшн», «комеди». Великая же литература никогда не соответствует полностью какому-то жанру. У Толстого «Война и мир» — это роман-эпопея, у Гоголя «Мёртвые души» — поэма, хотя это произведение в прозе, и читатель, который найдёт её на полке с надписью «Поэты», будет обманут в своих ожиданиях. Великая литература возникает на стыке жанров, когда писатель творит так, как именно ему удобно, как лучше всего будет для его произведения. В этом смысле «Русский вестник» удивительным образом привлекал к себе наиболее сильных авторов. Даже

при советской власти наибольшие тиражи имели те произведения, которые публиковались в «Русском вестнике», на этих же произведениях во многом строилась советская школьная программа по литературе. Если бы тогда действовали финансовые правила об авторских правах, то советская власть самые большие отчисления платила бы «Русскому вестнику» и намного меньшие — «Современнику» и другим так называемым прогрессивным изданиям.

В этом контексте было бы интересно обратиться к литературе XX века. Конечно, концепция, что русские писатели проходят путь от либерального бунда к традиции, далеко не всегда работает, но примеры такого перерождения тоже можно найти. Особого внимания заслуживает фигура Александра Солженицына. В настоящее время Солженицына многие обвиняют в незнании многих фактов, статистики о репрессиях, говорят, что он преувеличивал количество жертв, что он был неточен. Естественно, он не имел доступа к архивам. Но ценность Солженицына состоит не в полной достоверности описываемых им событий, а в том, что он откликается на события того периода истории, который он описывает, так, как, может быть, откликнулся бы средний советский человек. Солженицын хочет жить в другом обществе, более справедливом, более гуманном. И зачастую он находит его в своих фантазиях о русском дореволюционном обществе. Он жаждет свободы слова, хотя, конечно же, к концу жизни Солженицын осознаёт, что свобода без нравственного начала, без ценностей — это не свобода. Потому что истинная свобода, как понимает её христианское мировоззрение, — это свобода от греха. Такое понимание свободы, быть может, более чем кому-либо ещё из русских писателей, было свойственно Валентину Распутину. Это тем более удивительно, что Валентин Распутин — классический советский писатель с классической для советского писателя биографией. Это писатель может быть в чём-то даже провинциальный, но именно поэтому он оказывается очень близок великим западным писателям, например, Джону Стейнбеку, чьё творческое совпадение с Распутиным было почти текстуально.

В завершение хотелось бы отметить, что когда мы говорим о консервативных деятелях XIX века, нельзя забывать, что они были прекрасно образованны. Например, Н. М. Карамзин прекрасно владел французским и немецким языками, путешествовал в Европу в конце 1780-х годов и был свидетелем начала французской революции, к которой на тот момент ещё неплохо относился (тогда ещё было не ясно, во что она выльется). Необходимо отметить, что отношение к французской революции — это очень интересный момент. Сначала Екатерина II, дружившая с философами, учения которых легли в основу французской революции, отнеслась к ней как к чему-то новому и интересному. И в то время в Петербурге делались театральные постановки на тему революции, проводились диспуты, вполне симпатизирующие революционным идеям. Но, конечно же, когда дело дошло до царевубийства, то есть до казни короля Людовика XVI, отношение резко изменилось, но это произошло только в 1792 году, а до этого полтора-два года отношение было почти позитивным. И Карамзин разделял это отношение, хотя многие вещи его уже тогда настораживали. Тем не менее Карамзин начинает как поклонник Запада и лишь потом переходит на консервативные позиции, не оставляя впрочем и Европу без внимания, в полной мере осознавая важность культурных связей с ней. Эта парадигма повторилась с очень многими крупными писателями России XIX века и некоторыми писателями XX века.